

ГАДЖИЕВ Камалудин Серажудинович — доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН (117997, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23), профессор факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр-кт, 27, корп. 4; gajievks@mail.ru)

О ЕДИНСТВЕ И ФРАГМЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить и проанализировать некоторые ключевые факторы фрагментации и деконструкции современного мира, ведущих к обострению противоречий и конфликтов между народами. Главное внимание концентрируется на противоречивой природе глобализации и информационно-телекоммуникационной революции, которые ведут, с одной стороны, к универсализации, унификации, гомогенизации и единению современного мира, с другой – способствуют возрождению этнизма, национализма, росту интереса к традиционным ценностям, национально-культурной идентичности и т.д. Автор дает анализ особенностей, форм, направлений и сфер проявления этих процессов и тенденций.

Ключевые слова: глобализация, информационная революция, противоречия, универсализация, фрагментация, государство, народ, политика, ценности, идеалы, национализм

Глобализация и информационно-телекоммуникационная революция привели к тектоническим сдвигам в базовых структурах общественной жизни сначала Запада, а за ним и остального мира. Причем они приобрели контуры западного проекта в силу того, что властной, политической, экономической, интеллектуальной элите ведущих стран Запада удалось оседлать эти два объективных феномена и извлечь из них максимально возможные выгоды.

Эти два феномена, с одной стороны, как бы нивелируют, размывают или даже элиминируют границы, разделяющие народы, государства, культуры, национальные и этнические идентичности и т.д., с другой – расширяют возможности выбора путей, форм, средств реализации, заложенных в каждом отдельно взятом индивиде, коллективе, народе, культуре, государстве, цивилизации. С одной стороны, они создают условия для формирования транснациональной глобальной миросистемы, где все народы и государства составляют как бы единое, нерасчленимое целое; с другой – глобализация и информационно-телекоммуникационная революция парадоксальным, на первый взгляд, образом становятся могущественным фактором локализации, ренационализации, фрагментации и деконструкции современного мира.

Иначе говоря, глобализация и информатизация, казалось бы, призванные объединить мир в единое целое, распространить по всему миру выдаваемые за универсальные ценности рыночной экономики, прав человека, свободы и демократии западных народов, на поверку оказались сопряженными с обратной стороной, обеспечивающей тенденции и процессы локализации, фрагментации, деконструкции, стремления народов к этнонациональной, культурной, государственно-политической индивидуальности, самобытности, разнообразию, политическому плюрализму.

В этом русле не случайным представляется тот факт, что идеологическим основанием западной модели глобализации был избран так называемый Вашингтонский консенсус, который был сформулирован английским экономистом Дж. Уильямсоном в 1989 г. в качестве комплекса правил и принципов восстановления экономик стран Латинской Америки. Предполагалось, что они должны отказаться от командной модели экономики и начать развиваться по

образцу развитых стран евро-атлантического мира. Эти правила и принципы отражали общую позицию США, МВФ и Всемирного банка. Однако, как показал опыт реализации предложенных им правил и принципов, Вашингтонский консенсус в качестве идеологии западного варианта глобализации, при всех возможных оговорках применительно к развивающимся странам, обладал существенными изъянами. Оценивая его последствия, лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц писал: «...в каждой стране должна быть своя экономическая политика, основанная с учетом особенностей страны; не может быть единой, универсальной политики для всех реформирующихся стран». Симптоматично, что такова позиция ученого, который в 1990-х гг. был решительным сторонником приватизации. Ему, по собственному признанию, принадлежит формула: «Приватизация, приватизация и еще раз приватизация»¹. С серьезной критикой политики Вашингтонского консенсуса в апреле 2011 г. на совместном заседании МВФ и ВБ в Вашингтоне выступил, будучи главой МВФ, Д. Стросс-Кан. Он, в частности, заявил, что причиной кризиса 2008–2009 гг. стало именно выполнение правил Вашингтонского консенсуса, который «с его упрощенными экономическими представлениями и рецептами рухнул во время кризиса мировой экономики и остался позади» [Глобализация как фактор... 2012].

Очевиден тот факт, что глобализация в ее западном понимании начала менять свой первоначальный вектор, предназначение и функции. Она постепенно начала претерпевать своего рода инверсию, поскольку во все возрастающей степени стала отвечать интересам бурно поднимающегося Востока, понимаемого в самом широком смысле слова.

Возникает вопрос, каковы корневые факторы, обеспечивающие единство современного мира и в то же время способствующие противоположной тенденции его фрагментации и деконструкции.

Действительный, а не выдуманный, не совсем соответствующий современным реалиям парадокс глобализации коренится в ее противоречивой природе, предназначении и не в последнюю очередь в первоначальных не совсем корректных, вернее сказать, ошибочных ее трактовках. Как говорят, соседи бывают терпимыми и дружественными в отношении друг с другом, когда они разделены высокими заборами или стенами. В условиях, когда в результате глобализации и информационно-телекоммуникационной революции весь мир превратился как бы в гигантскую всепланетарного масштаба деревню, обнаружилось, что они имеют своей оборотной стороной фрагментацию, деконструкцию, рост политизированного национализма, этнизма, возрождение различных форм радикализма, фундаментализма, племенных, клановых, местнических и иных приверженностей на новом витке формирования полицентрического миропорядка. Об обоснованности данного тезиса свидетельствует тот факт, что наряду с глобализацией развернулась обратная тенденция — распад многонациональных государств, их фрагментация и образование множества новых национальных государств.

Ныне все более растущие популярность и влияние получают националистические и сепаратистские движения, организации, партии, которые выступают против глобализма, универсализма и транснационализма, пытаются защищать традиционные ценности и институты, лежащие в основе иудео-христианской цивилизации. Тренд десоверенизации национальных государств, который преобладал примерно в первые два с небольшим десятилетия после распада СССР и окончания двухполюсного миропорядка, сменяется трендом их ресоверенизации. По сути дела, так называемый постнациональный или постнационалисти-

¹ Почему Лагард не ответила на вопрос Путина? 2016. Доступ: <https://news.rambler.ru/economics/35335066/>

ческий мир, в конечном счете, возвращается на круги своя: нация и национализм как бы заново приобрели статус ключевых несущих конструкций современного мира.

Возможно, будет преувеличением утверждать, что поистине призрак бродит по Европе, призрак национализма, за которым уже не тенью, а реальностью идет призрак сепаратизма. Бывший министр иностранных дел Германии Йошка Фишер в интервью французской газете *Le Point* утверждал: «... национализм — это ответ на проблемы XIX, а не XXI века. Он не дает никаких ответов на вопросы распространения цифровых технологий, изменения климата и состояния безопасности планеты, где насчитывается 7 миллиардов жителей, а в скором времени станет 9 миллиардов»¹. Как представляется, здесь Фишер глубоко ошибается, поскольку именно глобализация стала тем спусковым крючком, который привел к дестабилизации в мировом масштабе, серии конфликтов, войн, экспорта демократической революции и т.д. В этом смысле проблема состоит в том, что глобализация и информационно-телекоммуникационная революция, как уже отмечалось, представляют собой объективные феномены, и они никуда не денутся. Соответственно, названные процессы и тенденции тоже никуда не денутся, тем более что с охватом ими новых сфер общественной жизни и дальнейшим ускорением можно ожидать дальнейшую эскалацию конфликтов и войн.

Об обоснованности данного тезиса свидетельствуют становящиеся все более очевидными трещины, проявляющиеся между различными государствами Евросоюза. Речь идет, например, о так называемой неформальной ассоциации «Инициатива трех морей», объединяющей 12 государств, располагающихся в геополитическом пространстве между Адриатическим, Балтийским и Черным морями. В ассоциацию входят 12 стран: Австрия, Болгария, Хорватия, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия и Словения. Кстати, 11 членов (из 12) этого поддерживаемого Вашингтоном объединения являются членами НАТО. Очевидно, что это пространство занимает промежуточное положение между Россией и Германией и может служить в качестве буферной зоны между двумя государствами, которые объективно заинтересованы в добрососедских отношениях друг с другом. Руководящую роль в ассоциации отводится считающей себя «силой оси» Польше, которая имеет чуть ли не совпадающие претензии как к России, так и к Германии. Одна из главных целей ассоциации — достижение энергетической независимости от России, что отнюдь не отвечает жизненно важным интересам ведущих государств — основателей Евросоюза. Здесь проглядывается след США, которые стремятся расчистить в Европе место для экспорта своего сланцевого сжиженного газа. Разумеется, «Инициатива трех морей» в сочетании с предполагаемой политикой «Европы двух скоростей» интеграции вносит в Евросоюз элементы противоречий и раскола.

Одним из камней преткновения во взаимоотношениях между старой и молодой Европой стал вопрос о квотировании численности иммигрантов. При всех противоречиях, спорах и дискуссиях приемлемое для всех сторон решение этого вопроса в обозримой перспективе представляется туманным, хотя Еврокомиссия запустила механизм наложения Брюсселем штрафов и даже экономических санкций на наиболее непримиримые страны, такие как Польша, Чехия и Венгрия, за их категорический отказ принять систему квот. В то же время, со своей стороны, «Вышеградская четверка» (Польша, Чехия, Словакия и Венгрия) заявила, что сама будет отстаивать в Европейском суде свои права.

Одним из факторов, способствовавших расколу в современном мире, прежде

¹ Joschka Fischer: La France et l'Allemagne doivent commencer à être adultes. — *Le Point*. 1.01.2017.

всего на Западе, стал казус Украины. С самого начала устремления всех сторон, политика которых привела к данной ситуации, оказались ошибочными и сопряженными с долгосрочными негативными для стабильности международных отношений последствиями. Весьма удручающими эти последствия оказались и для самой Украины, руководители которой, казалось бы, в поисках благосостояния для своей страны сделали агрессивно навязанный народу выбор отказа от многовекторной внешнеполитической стратегии в сторону интеграции с Евросоюзом и НАТО. В результате такого одностороннего выбора Украина оказалась как никогда за свою историю независимости дальше от достижения искомой цели. Если учесть геополитические реалии, сложившиеся к настоящему времени в мире, Украина, равно как и Грузия, ни при каких обстоятельствах не могут быть приняты в члены НАТО.

Правда, ментальный настрой западного властного сообщества и части влиятельной политической элиты таков, что от них можно ожидать самых невероятных поворотов во внешнеполитической стратегии. Мы живем в таком мире, в котором любые прогнозы, будь то экономические, социальные, политические, технологические и т.д., оказываются несостоятельными. В этом вопросе невозможно не согласиться с итальянским журналистом Лоренцо Вита, который считает, что «экспансионизм НАТО на восточном фронте может привести... к двум не обязательно взаимоисключающим последствиям: укреплению евроазиатской оси Москва—Пекин и враждебности по отношению к Европе и Западу». Это, по его мнению, следует иметь в виду, «если исключить угрозу военной эскалации, которая могла бы привести к катастрофическим последствиям» [Vita 2017]. В противном случае в НАТО может войти лишь часть Украины, а не вся Украина. Этот акт будет фактическим, если не официальным признанием как руководством самой Украины, так западным сообществом раскола этой страны и окончательной потери ею Донбасса, не говоря уже о Крыме. А Запад, вступивший в период постепенного ослабления геополитических позиций, получив урезанную Украину, окажется лицом к лицу с могущественной ядерно-космической державой, которая, очутившись перед экзистенциальной угрозой со стороны сил, стремящихся загнать ее в геополитический капкан, вынуждена будет платить любую цену за свою безопасность.

После победы Д. Трампа на президентских выборах в ноябре 2016 г. и в результате его первого визита в Европу начали проследиваться пока что малозаметные, но, тем не менее, трещины в отношениях между старой Европой и США, хотя к ним следует относиться с определенной осторожностью. В этом русле можно рассматривать отказ Д. Трампа от планировавшегося Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства между Европейским союзом и США. Дополнительную лепту в эти тенденции внесла критика Трампом руководителей стран — ближайших союзников Америки по НАТО по вопросу о недостаточном выделении средств на оборону и то, что он назвал Германию «очень плохой» из-за ее положительного внешнеторгового баланса, который в 2016 г. составил почти 300 млрд долл. До этого произошел весьма впечатляющий выход из Евросоюза Великобритании — так называемый Брексит, который Трамп с энтузиазмом поддержал. Он поддержал также ассоциацию «Инициатива трех морей». В связи с сочетанием этих двух знаковых событий некоторые авторы заговорили о трещинах в отношениях не просто с Америкой, а с англо-саксонским миром в целом. Между Евросоюзом и США возникли также проблемы по вопросу об односторонних санкциях Вашингтона против России.

На этом фоне наблюдается все более заметно проявляющаяся тенденция к брожению в умах руководителей европейских стран. Те новые правила игры, которые Трамп предложил Европе, подтолкнули А. Меркель к тому, что она, выступая

на предвыборном митинге 28 мая 2017 г., заявила: «Времена, когда мы могли в полной мере рассчитывать на других, похоже, заканчиваются, и я почувствовала это в последние дни. Мы, европейцы, должны по-настоящему взять нашу судьбу в свои собственные руки. Конечно, нам нужны дружественные отношения с США, с Великобританией и с другими соседями, включая Россию. Но за свое будущее мы должны бороться сами» [Rachman 2017]. Эту точку зрения вербально или по умолчанию поддерживают руководители других государств старой Европы, не считая, разумеется, младоевропейцев, входящих в состав «Инициативы трех морей».

С учетом этой ситуации можно утверждать, что реальное единство Европы в том виде, в каком оно представлялось инициаторам политической интеграции с прицелом на создание сверхгосударства в форме Соединенных Штатов Европы или в каком-либо ином формате, пока что не прослеживается. Не прослеживаются и сколько-нибудь серьезные признаки, которые свидетельствовали бы о стремлении народов региона отказаться от своего исторического наследия, государственного суверенитета и национальной идентичности [Гаджиев 2017].

В этом контексте обращает на себя внимание тот факт, что Вашингтон и Брюссель целенаправленно выталкивают Турцию, по сути дела государство с второй по мощи после США армией, занимающей весьма выгодное геополитическое положение, из НАТО и закрывают ей путь в Евросоюз. С учетом этих и комплекса связанных с ними процессов и тенденций представляется возможным согласиться с Генеральным секретарем Совета Европы Т. Ягландом, который утверждает, что «существует Европа, но она состоит из разных частей и отличается от страны к стране многополярностью»¹.

В дополнение к Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству Трамп объявил также о выходе США из Транстихоокеанского партнерства между двенадцатью странами Азиатско-Тихоокеанского региона, а также из Парижского соглашения по климату. Он потребовал пересмотреть условия Североамериканского соглашения о свободной торговле и грозит ввести пошлины на импорт стали. По сути дела, предпринимаются попытки начать новый цикл протекционизма и отступление от принципов свободной торговли ВТО, во всяком случае, декларируемые вербально (другое дело, какие формы такие заявления примут на практике).

В то же время руководитель Поднебесной Си Цзиньпин выступает как защитник рыночной экономики и свободной торговли. На смену Вашингтонскому консенсусу приходит или уже пришел Пекинский консенсус.

Начинается нечто вроде эпидемии стено- и заборостроительства вдоль границ, разделяющих государства. Здесь, разумеется, речь идет, прежде всего, о младоевропейских странах, стремящихся отгородиться от России не только разного рода экономическими санкциями и информационно-идеологической конфронтацией, но также рвами, заборами из колючей проволоки, стенами с системами видеонаблюдения. Парадокс современного мира состоит в том, что инициаторами таких начинаний, призванных изолировать народы, страны, регионы, как говорится, по своим квартирам, выступает Запад, который позиционирует себя в качестве некоего «сияющего града на холме», примера для всех остальных народов земного шара.

Первой страной ЕС, которая создала пограничную стену, стала Греция, в 2012 г. отгородившаяся 10-километровым забором высотой 4 метра от Турции. Опыт Греции переняли другие страны ЕС. Венгрия начала строить заграждения на границах с Сербией и Хорватией, Австрия взялась за возведение забора на

¹ Совет Европы: единой силы, способной решать за всех, больше нет. Доступ: <http://rf-smi.ru/evropa/17697>

границе со Словенией, а Словения решила отгородиться стеной от Хорватии. Кроме того, в ноябре 2015 г. Македония начала строительство забора на своей границе с Грецией.

Обосновывая необходимость строительства стены вдоль границы с Россией, глава МВД Эстонии Х. Певкур заявил: «Эстония нуждается в современной госгранице, достойной быть внешней границей Европы и НАТО». Предполагается возведение забора высотой 2,5 м и протяженностью примерно в 90 км. Стена на латвийско-российской границе намечается высотой 2,7 и длиной в 92 км. Латвия берется строить также оградительный забор вдоль границы с Белоруссией. Собственным забором длиной в 44,6 км и высотой в 2 метра решила отгородиться от Калининградской обл. Литва.

Так, испанская газета *La Vanguardia* не без оснований утверждает: «...нынешнее время, с уверенностью можно сказать, историки будут называть временем стен. Точно так же, как 1989 г. сохранился в памяти как год падения Берлинской стены, как 1991 запомнился исчезновением СССР, а 1993 – вступлением в силу Маастрихтского соглашения и создания того Евросоюза, который сегодня доживает последние месяцы: Евросоюза без внутренних границ». Весьма трюдно не согласиться с изданием, которое с сожалением констатирует: «...страны Сообщества перестают доверять друг другу: Европа все больше ощущает себя животным, попавшим в клетку. Точнее, загнавшим в эту клетку самое себя»¹. Ведь то, что происходит в Евросоюзе, не стыкуется с первоначальными установками на политическую интеграцию стран региона с видом на формирование некоего сверхгосударства в форме Соединенных Штатов Европы с единым европейским народом, единой идентичностью, единым гражданством, единой валютой и т.д., и т.п.

Не отстает от Прибалтийских стран Украина, которая после воссоединения Крыма с Россией начала одновременно рыть ров и возводить забор, отгораживающие ее от России, аж на 2 тыс. км.

Норвегия подумывает о своем заборе вдоль 200-километровой границы с Россией, а Польша – вдоль границ с Белоруссией и Украиной.

Еще в 2004 г. руководство Израиля приняло решение об изоляции Палестины стеной в 700 км. Десять лет спустя Турция начала строительство стены в 500 км с Сирией, а Саудовская Аравия – в 2015 г. на границе с Ираком длиной в 900 км. Своей масштабностью и грандиозностью выделяется начатый еще при президенте Дж. Буше-младшем проект строительства в США заградительного забора на границе с Мексикой высотой в 4,5 м. Новый президент США значительно расширил этот проект, придав ему стратегический характер.

Здесь приведены лишь некоторые примеры феномена заборостроительства, которых, думаю, достаточно, чтобы убедиться в реальности тенденций фрагментации и дезинтеграции современного глобализирующегося мира. Очевидно, что в случае сколько-нибудь серьезного конфликта эти искусственные железные или бамбуковые занавесы в виде заборов, стен, рвов и пр. не будут иметь ровным счетом никакого значения.

Глобализация не отменила, а, наоборот, привела к обострению борьбу идей, новых идеологических конструкций, имиджей, разных моделей экономической и политической самоорганизации народов и регионов и т.д. В сфере теоретических конструкций, призванных объяснить закономерности развития тех или иных народов, регионов, культурных кругов, цивилизаций и т.д., в 1960-х гг. был популярен тезис, согласно которому конфуцианская этика была объявлена главной помехой модернизации и экономического развития стран Восточной Азии. Американ-

¹ «Европа без границ» умерла: наступило время стен и заборов. Доступ: <https://regnum.ru/news/polit/2246351.html>

ский синолог Дж. Левинсон в своих работах, опубликованных в конце 1960-х гг., пытался обосновать мысль о том, что уже к началу XX в. конфуцианство изжило себя. Однако последующие десятилетия ознаменовались возрождением влияния и популярности конфуцианства. В одних странах раньше, в других – несколько позже были раскрыты динамические потенции конфуцианства [Levenson 1958].

В 1980-х гг. в условиях стремительного взлета государств с конфуцианской системой ценностей именно конфуцианство стали рассматривать в качестве чуть ли не главного фактора бурного экономического развития новых индустриальных стран. Например, Г. Розмен говорил о восточноазиатском конфуцианстве как равновеликом западному капитализму и европейскому социализму феномене. По его мнению, эти 3 феномена составляют культурные системы, конкурирующие между собой за мировое господство. Он подчеркивал такие элементы конфуцианства, как дисциплина и бережливость, которые особенно благоприятно повлияли на модернизацию. По этой логике, феноменальный рост континентального Китая, начиная с конца 1970-х гг., можно рассматривать как результат отказа коммунистического режима от маоистской идеологии и возврата к традиционной китайской культуре. Из такой оценки можно было бы сделать вывод, что экономический и технологический прорыв можно обеспечить, руководствуясь иными ценностями, нежели западные права человека, свобода и демократия. Естественно, Розмен такой вывод не сделал.

В отличие от иудео-христианской и исламской традиций, которые основываются на вере в единого бога, социокультурной матрице, например, конфуцианского и буддийского мира чужд монотеизм. Для менталитета многих народов Востока, например исповедующих конфуцианство, характерно наличие нескольких начал, вступающих в диалог друг с другом. Как отмечает японский исследователь Т. Ишида, особенность японской традиции состоит в вере в бессмертие государства, доходящей до его обожествления. Даже культ императора вытекает из убеждения в том, что он символизирует бессмертие государства [Ishida 1983: 31-37].

Япония отличается особой формой вероисповедного и культурного плюрализма, отличной от западных форм. По мнению профессора Осакаского университета Я. Масакадзу, «западный плюрализм с его полной интеграцией различных влившихся в него элементов можно сравнить с легированием металлов или с химическим соединением. В отличие от этого, в Японии разные элементы хотя и вступали в тесную связь друг с другом, но сохраняли все же свою самобытность, как это имеет место в ткани из смешанной пряжи» [Masakazu 1986: 38-46]. В западном культурном плюрализме гомогенные единицы или группы базируются на едином основании, например на христианстве (хотя в этом последнем и выделяются различные направления и деноминации). В Японии же, напротив, обнаруживается плюрализм гетерогенных единиц или групп, воззрения которых базируются на различных основаниях. Сущность японского плюрализма выражается в сочетании и сосуществовании различных вкусов, форм ментальности, обычаев, стилей жизни в одной и той же личности. Показательно, например, то, что многие японцы отправляют обряды, связанные с рождением ребенка или бракосочетанием, по синтоистскому ритуалу, хоронят согласно буддийским обрядам, в их повседневной жизни преобладает конфуцианская мораль, во многих японских семьях укоренились ценности и нормы христианской этики. Имеет место приверженность одних и тех же лиц тем или иным установкам двух и более верований. Считается, что у японцев синто выполняет роль интегрирующего начала, конфуцианство определяет житейскую мораль, а буддизм связывает с потусторонним миром.

Хрестоматийной истиной стало признание большинством специалистов в качестве важной особенности японской политической культуры привержен-

ность японцев групповым, коллективистским и иерархическим нормам и ценностям. В отличие от западной модели демократии с ее подчеркиванием защиты индивидуума от давления общества и государства, японская модель делает акцент «на самоограничении личности, стремлении контролировать ее порывы, встраивать их в систему общественных и государственных интересов» [Демократия в Японии... 1991: 21].

В Японии синкретическое соединение морально-этического учения Конфуция и важнейших элементов синтоизма и буддизма составляет основу того феномена, который принято называть «японским духом». Синтез «японского духа» с западным техническим гением по формуле «японский дух – западная техника» вылился в «японское чудо», выдвинувшее Страну восходящего солнца на первые роли в мировой экономике. Можно привести целый ряд других ценностей, принципов, установок, которые более или менее существенно отличают парадигмальные основы социокультурной, духовной, политико-культурной и иных составляющих национального самосознания японского народа от ценностной системы западных народов.

Подобного рода особенности характерны для менталитета других народов Востока. К примеру, в Китае один из Минских императоров издал специальный эдикт, согласно которому Конфуций, Лао-цзы и Будда были объявлены покровителями Поднебесной. Основу китайской традиции составляет не только конфуцианство, но также легизм, даосизм, буддизм.

Беспрецедентный экономический и технологический взлет Китая и Сингапура, этих по всем критериям авторитарных государств, ставит перед человечеством ряд сакраментальных вопросов относительно превосходства западной цивилизации с точки зрения социально-экономического и технологического прогресса. Их опыт со всей очевидностью продемонстрировал, что народы с авторитарной системой правления и иными, чем у западных народов, ценностными системами не хуже, а, возможно, даже лучше подготовлены для адекватного ответа на новые вызовы истории и, что особенно важно, вызовы современности.

В целом, в странах Восточной Азии достигнут своеобразный синтез традиции и современности. Модернизация осуществлена при сохранении важнейших традиционных начал в социокультурной и политико-культурной сфере. Здесь немаловажное значение сохраняют такие ценности, как иерархия, долг, обязанность, консенсус, подчинение интересов личности интересам группы, приверженность принципам корпоративизма в отношениях между людьми в важнейших сферах общественной жизни.

Все это имеет мало общего с индивидуалистическими ценностями, установками и ориентациями, которые, как правило, ассоциируются с западной демократией. Не в меньшей степени отличаются от западных ценности исламского мира. Здесь азиатская идея играет не последнюю роль. В качестве частных случаев азиатской идеи в дополнение к японской модели («японское чудо») выдвигаются китайская модель, модель новых индустриальных стран и др., которые бросают вызов американской идее и англосаксонской модели рыночной экономики. Впрочем, в условиях неуклонного усложнения мировой экономики как единой системы все труднее становится определить, какие из этих моделей в должной мере соответствуют социокультурной и политико-культурной матрице каждого отдельно взятого народа.

Фрагментацией поражены и отдельно взятые сообщества, и национальные государства, и регионы, и интеграционные объединения и союзы. Одним из ключевых составляющих нового мироустройства становится феномен, который Л. Шестов назвал апофеозом беспочвенности. Эта беспочвенность в современных условиях проявляется в переоценке традиций, доходящей порой до ее фак-

тической элиминации. Имеет место тенденция к распространению современной версии феномена кочевничества, разумеется, на высшей спирали цивилизационного прогресса. Можно говорить о попытках отказа от национальной идентичности и формирования региональной идентичности в противовес европейской и т.д.

Одной из ключевых тенденций в этом направлении можно считать тот факт, что глобализация и информационно-телекоммуникационная революция породили новый феномен, имя которому «восстание меньшинств», которое дополняет восстание масс. Каждый из этих феноменов порожден соответствующими условиями конкретных исторических эпох, они существенно отличаются, в то же время дополняя друг друга. Как показывает исторический опыт, реальной силой, разрушающей устои цивилизации, как правило, независимо от того, кто ее взбудораживал и мобилизовал, выступала масса. С подрывом нравственных опор, на которых покоилась та или иная цивилизация, дело ее окончательного разрушения берет на себя масса или толпа — то, что в античности называли охлосом. В такие периоды, как отмечал Г. Лебон, философия численности становится «единственной философией истории». Применительно к современному миру эта тенденция получила выражение в восхождении или восстании масс, в ее превращении в одного из главных акторов, в значительной степени определяющих облик нашей эпохи.

Масса в современном перманентно информатизирующемся, виртуализирующемся мире не обязательно предполагает некоторое сборище множества людей на площади, улице, стадионе или ином открытом пространстве. С точки зрения параметров сознания, приверженности определенным стереотипам поведения и реакции человек может принадлежать к толпе, массе, не выходя из собственной квартиры, сидя у компьютера и общаясь с помощью Интернета. Хотя такая толпа рассеяна чуть ли не по всему земному шару, она, тем не менее, не перестает быть массой, толпой, не перестает быть реальностью.

Это охлос всемирного масштаба, состоящий из миллионов, десятков, сотен миллионов одиночек, сидящих у своих компьютеров, общающихся друг с другом не лицом к лицу, а беслично через Интернет. Каждый из этих привязанных к компьютеру одиночек начинает ощущать себя частью всепланетарного онлайн-сообщества, живущего не столько по нормам и правилам конкретной национальной культуры, сколько следуя правилам и нормам мирового сетевого пространства. Это одиночки, время от времени формирующие разного рода *ad hoc* сообщества или группы, которые по определению не могут представлять ни относительное, ни абсолютное большинство, во всяком случае, в пределах отдельно взятого нормального национального государства.

Представляя соответствующие меньшинства, они могут быть только меньшинствами по отношению к совокупности всего населения соответствующего национального государства. Масса, толпа, даже состоящая из людей, разбросанных по всему виртуальному миру, требует вожаков. В роли таких вожаков как раз выступают активные, я бы сказал, порой агрессивные виртуальные группы — организаторы разного рода твиттерных, флешмобных кампаний за или против тех или иных проблем, волнующих ту или иную часть общества. Благодаря Интернету, с помощью которого осуществляется моментальное одновременное взаимное информирование многих людей независимо от места их пребывания, создалась ситуация, при которой какая-нибудь активная группа, жаждущая власти, влияния, привилегий, способна навязать свою волю, свое видение мира, свою модель образа жизни целым коллективам, сообществам, отдельно взятому государству, даже мировому сообществу.

Число и активность таких групп постоянно растет. В результате демократия

большинства постепенно трансформируется во власть активных меньшинств, «цветные революции», Арабскую весну и др., которые рассматриваются как своего рода трамплины к благословенной западной модели демократии.

Такая власть губительна для национального государства и, возможно, для мирового сообщества. Однако, как говорится, действие рождает противодействие, революция – контрреволюцию. В этом контексте важно учесть тот факт, что агрессивная экспансия Запада воспринимается многими народами как своеобразный вызов их национально-культурной идентичности, о чем свидетельствует рост во многих странах антизападничества в целом и антиамериканизма в особенности.

Стратегия экспорта демократической революции, при всех бедствиях, которые она принесла целому ряду незападных стран, в конечном счете, потерпела крах. Еще в 1989 г. руководство Поднебесной на площади Тяньаньмэнь («Врата небесного спокойствия») в корне пресекла первую попытку насаждения в этой великой стране западной модели демократии. В среднеазиатских государствах правящей элите пока удалось купировать такие попытки. К чему могла бы привести политика навязывания западных ценностей народам этого обширного региона, достаточно ясное представление дает ситуация, сложившееся на Большом Ближнем Востоке.

С учетом изложенных реалий современного мира возникают сакраментальные вопросы: что такое человечество – просто абстрактное понятие или конкретная единая общность, охватывающая всю целиком ойкумену с единой идентичностью, едиными характерологическими признаками, обликом, этосом, общими для всех стран и народов ценностями, целями, идеалом, миссией, установками и интересами и т.д.? Кто именно определяет все названные качества? Где те скрижали, на которых они выгравированы? И т.д.

При поисках ответов на эти и множество вытекающих из них вопросов каждый раз напрашивается неотступный ответ, суть которого состоит в том, что единое человечество с комплексом названных выше составляющих можно представить, образно говоря, с птичьего полета. При таком видении «человечество» представляет собой понятие абстрактное, метафорическое, объединяющее весьма разнородные, противоречивые, конфликтующие, воюющие друг с другом общности, преследующие разные, порой противоположные интересы и цели. Даже сугубо биологическое понятие «инстинкта самосохранения» представители разных национально-культурных традиций, народов, конфессий и т.д. трактуют по-разному.

Чем ниже мы спускаемся к земле, тем явственнее прослеживается его фрагментарность, лоскутность, многоцветие, многообразие на фоне множества примеров не только совместной жизни в условиях мира и согласия, взаимосвязей и сотрудничества, но и постоянных противоречий, взаимного недоверия, страха, вражды, конфликтов, противоборства, войн и т.д.

Разве разные народы, составляющие человечество, во все времена не воевали друг с другом не на жизнь, а на смерть, порой устраивая широкомасштабные коллективные пляски смерти и кровавые бани мирового масштаба? Где гарантия того, что его природа, этос радикально изменится и оно приобретет способность достижения истинного единства и обеспечения мира и безопасности для всего мира? Иначе говоря, возникает множество подобных сакраментальных вопросов, на которые мало кто может дать сколько-нибудь разумные ответы хотя бы для большинства членов той «семьи народов», которую мы называем человечеством. Разумеется, нельзя отрицать, что у человечества есть общий интерес в физическом выживании как вида и вытекающий из него комплекс иных интересов. В то же время в течение всей человеческой истории не было, не могло быть и

не может быть единой для всех народов, культур, сообществ системы ценностей, идеалов, морально-этических норм и стереотипов поведения и т.д., которые можно было бы назвать универсальными. То же самое верно и применительно к ценностям прав и свобод человека, демократии, какими бы высокопарными эпитетами их ни наделяли. Соответственно, они не могли претендовать на статус единственной, всеисключающей Системы ценностей, Веры, Истины. Их самопостижение осуществляется только в их исторических формах, по-разному у разных народов, сообществ, культурных кругов, цивилизаций. В этом смысле историю человечества можно было бы изобразить как путь, устланный ушедшими в прошлое системами ценностей, верований, истин.

История в чем-то представляет собой набор случайностей, которые человеческий ум мучительно пытается загнать в искусственно сконструированное им самим прокрустово ложе закономерностей. Человечество не знало, не знает и не будет знать, откуда оно пришло, куда идет, какова его миссия и к чему, в конечном счете, придет. Более того, оно не имело и не могло иметь также какой бы то ни было единой для всех народов и стран истории, по крайней мере в периоды, предшествовавшие Новому времени, когда оно было разрознено на множество цивилизаций и народов, которые зачастую просто не ведали о существовании друг друга.

При этом важно учесть, что различия, специфичность, уникальность, особенность не всегда и не обязательно означают отсталость от так называемых передовых культур, и не обязательно стремиться к тому, чтобы догнать или перегнать их.

Во всемирно-историческом плане не совсем корректно делить историю на хорошие и плохие, светлые и темные периоды, на низшие и высшие ступени с точки зрения морально-нравственного совершенства и несовершенства народов. В этом смысле, по-видимому, был прав Н.С. Трубецкой, который говорил, что нет никакой «лестницы культур». «Момент оценки, — полагал он, — должен быть навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих — низшими — произвольно, ненаучно, наивно, наконец, просто глупо» [Трубецкой 1920: 42]. Эту же мысль Н. Трубецкой сформулировал еще отчетливее в письме Р. Якобсону от 7 марта 1921 г.: «Понять, что ни “я”, никто другой не есть пуп земли, что все народы и культуры равноценны, что высших и низших нет, — вот все, что требует моя книга от читателя» [Трубецкой 1995: 7]. Как представляется, именно на признании этой истины могут быть найдены пути достижения реального единства современного мира.

И еще. Выворачиваются наизнанку нормы, правила поведения и принципы международного права. Это не удивительно, если учесть, что сами они были созданы западным миром в интересах самого Запада в соответствии с установкой, согласно которой законы и правила игры на международной арене составляются победителями в интересах самих победителей. В создавшихся ныне условиях, когда победители начали осознавать очевидные тенденции к ослаблению своих позиций, сами они сплошь и рядом не брезгают нарушением, когда им выгодно, созданных самими норм и правил международного права, что также вносит в современный мир элементы неопределенности, неурядиц, фрагментации. Естественного, что в условиях конца евро- или западочентристского мира и либерального миропорядка новые активные и могущественные державы, прежде всего с военно-политической точки зрения, не могут не стремиться к переоценке и пересмотру тех или иных международно-правовых норм и правил, сформулированных и навязанных остальному миру прежними победителями.

Список литературы

- Гаджиев К.С. 2017. Приоритеты и изъяны одного великого проекта. — *Международная жизнь*. № 3. С. 65-81.
- Глобализация как фактор социальных перемен в современном мире*. 2012. М.: ИНИОН РАН. 224 с.
- Демократия в Японии: опыт и уроки* (отв. ред. К.О. Саркисов). 1991. М.: Наука. 67 с.
- Трубецкой Н.С. 1920. *Европа и человечество*. София. 48 с.
- Трубецкой Н.С. 1995. *История, культура, язык*. М.: Прогресс. 799 с.
- Ishida T. 1983. *Japanese Political Culture: Change and Continuity*. New Brunswick, N.J.: Transaction Books.
- Levenson J.R. 1958. *Confucian China and Its Modern Fate: The Problem of Intellectual Continuity*. Berkeley: University of California Press.
- Masakazu Y. 1986. *Pluralism in der Kultur. Japan in der Westen*. Frankfurt-a.-M.: Campus Verlag. 457 s.
- Rachman G. 2017. Angela Merkel's blunder. Donald Trump and the end of the West. — *Financial Times*. May 29.
- Vita L. 2017. L'Ucraina vuole entrare nella Nato. — *Gli occhi della guerra*. Luglio 12.

GADZIEV Kamaludin Seradzudinovich, Dr.Sci. (Hist.), Professor, Senior Researcher of the Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (23 Profsojuznaja St, Moscow, Russia, 117997); Professor of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (bld. 4, 27 Lomonosovsky Ave, GSP-1, Moscow, Russia, 119991; gadjievks@mail.ru)

ON THE UNITY AND FRAGMENTATION OF THE MODERN WORLD

Abstract. The article attempts identifying and analyzing some key factors of fragmentation and deconstruction of the modern world, leading to aggravation of contradictions and conflicts between peoples. The author focuses on the contradictory nature of globalization and information revolution, which, on the one hand, lead to universalization, unification, homogenization of the modern world; on the other hand, they contribute to the revival of ethnum, nationalism, the growth of interest in traditional values, national and cultural identity, etc. The article analyzes the features, forms, directions and spheres of manifestation of these processes and trends.

Keywords: globalization, information revolution, contradictions, universalization, fragmentation, state, people, politics, values, ideals, nationalism